

ОЛЬГА
ДАШКОВА

Горячий

МАРШРУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ИЛИ

23

ОСТАНОВКИ ДО СЧАСТЬЯ

18+

Ольга Дашкова
Горячий маршрут или
23 остановки до счастья

*<https://litres.ru/73994364>
SelfPub; 2026*

Аннотация

- Вы пьяны.
- Формально да. Но я имею право.
- Это служебное купе.
- А я – пассажир в крайне тяжелом состоянии. Гуманизм, слышали о таком?
 - Слышала. Но к вам это не относится.
 - Жестоко. Красиво, но жестоко. Как вы.
- Лада – проводница, три года в разводе, комплексы и лишний вес.
 - Марат – десантник на ее полке в служебном купе.
 - Он ее не узнает. А она помнит каждую секунду того лета в Анапе, когда пекла ему вафли и мечтала о невозможном.
 - Теперь он здесь. Протрезвел. Влюбился. И не отступает.
 - Семь дней. Один вагон.
 - Горячий маршрут, где каждая остановка – шаг к счастью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Дашкова

Горячий маршрут или 23 остановки до счастья

Глава 1

Я люблю свою работу. Честно. Особенно когда пассажиры не орут, дети не сорят в тамбуре, а пьяные дембеля не пытаются залезть ко мне в служебное купе с предложениями «скрасить дорогу».

Сегодня был почти идеальный день. *Почти*. Поезд отошел от Владивостока три часа назад. Я уже успела:

Объяснить одной гражданке (купе № 4, нижняя полка), что ее три сына – Рома, Тема и «маленький ангелочек» Вова – **не имеют права** бегать по вагону с воплями «Я – Человек-паук!». Гражданка, фамилия ее оказалась Серова посмотрела на меня, как на врага народа, и гордо удалилась. Дети продолжили бегать и орать Ну, что сказать: «мать года».

Еще разнять двух бабушек в купе № 7, которые не поделили нижнюю полку. Одна утверждала, что у нее радикулит, вторая – что у нее мигрень. Я предложила им бросить жребий. Они бросили. Проиграла та, у которой радикулит. Теперь она смотрит на меня с нескрываемой ненавистью.

А потом успела отбиться от молодого айтишника из купе № 9, который искренне полагал, что фраза «Вы такая красивая, как вас зовут?» – это верх оболъщения. Я ответила: «Лада. Как машина. Надежная, но не для проката». Он обиделся.

Три раза позвонить Лидке, моей напарнице, которая должна была работать в седьмом вагоне вместе со мной. Но Лидка, рыжая хохотушка с вечным прикидом «а я ничего не знаю», уже час от отбытия как испарилась к своему Валере в тринадцатый вагон.

Валера – проводник, качок и, по мнению Лидки, «секс на ножках». По моему мнению – придурок, который при каждой встрече пялится на мою грудь и считает это комплиментом.

Короче, я работаю за двоих. Как обычно. В общем, обычный рабочий день. И тут мы остановились на станции Уссурийск. И ничего не предвещало беды.

Я стояла в тамбуре, проверяя список новых пассажиров, когда услышала гомон на перроне. Мужской. Пьяный. С матом через слово.

Отлично. Дембеля. Поздравьте меня. Это вишенка на торте моего стало в 7 вагоне.

Высунулась – и точно. Четверо здоровых лбов в камуфляже несут пятого. Пятый висит на их руках, как мешок с картошкой, голова запрокинута, глаза закрыты.

– Э, хлопцы! – крикнула. – Это не морг! Несите дальше!

Там есть вагоны-рефрижераторы.

Один из них, рыжий, с лицом, которое явно видело немало драк, оскалился:

– Девушка, красавица, душечка! Ну пусти! Он же наш братишка! Герой! Контрактник! Только с задания вернулся!

– С задания или из бара? – уточнила, скрестив руки на груди.

– Ну... там и там, – честно признался рыжий.

Второй, тощий, с умными глазами, подхватил:

– Слушай, сестренка, у него билет есть! Электронный! Вот только телефон сел, гад, и мы не знаем, какое у него купе! Но вагон точно 7.

– И место не знаете?

– Не-а. Он утром покупал, потом бухать пошел... в общем, короче, мы его вообще-то до вокзала еле дотащили!

Третий, коренастый, добавил:

– Да ладно тебе! Уложим его где-нибудь, проспится – сам разберется!

– Где-нибудь? – я выразительно посмотрела на него. – Может, в туалете?

– Ну не злись ты! – рыжий изобразил щенячьи глаза. – Вон, у тебя купе проводническое! Там же место есть!

– У меня купе **служебное!**

– Ну так ты ж одна! – логично заметил тощий. – Места полно!

– У меня еще напарница есть!

– Так пусть с напарницей и поспит! – заржал коренастый.

– Если он блеванет, вы все четверо будете мыть вагон, – предупредила.

– Не блеванет! – хором заверили они.

– Если полезет с приставаниями – выкину на ходу.

– Не полезет! Он спит как убитый! Не проснется до утра!

Четвертый, молчаливый до этого момента, вдруг выдал:

– Слушай, красавица, ну у тебя ж сердце есть? Парень всю душу на службе выложил! Дай ему поспать по-человечески!

Я посмотрела на их «героя». Темные волосы, короткая стрижка, щетина, камуфляж чистый, дышит ровно. Пахнет... водкой и еще чем-то армейским – типа сапожного крема и тоски. Почему-то кольнуло сердце. Не знаю почему. Может, просто устала спорить.

– Одна ночь, – сказала я жестко. – Утром проснется – пусть валит в свое купе. И если что – вы за него отвечаете.

– Спасибо, красавица! – они уже тащили его в вагон.

Гражданка Серова высунулась из своего 4, оценивающе оглядела процессию.

– Ох, военные! Защитники! – всплеснула она руками. – Мальчишки, вы герои!

– Точно, мамаша! – рыжий подмигнул ей. – Родину защищаем!

– А этот что, раненый? – участливо спросила она, кивая на бесчувственное тело неизвестного.

– Ага. В бою. С бутылкой «Пшеничной», – буркнула я.

– Вы бы уважение к военным имели!– Серова возмутилась.

– Обязательно. Как только они уважение к трезвости проявят.

Мы добрались до моего служебного купе. Военные бесцеремонно ввалились внутрь и шмякнули бедолагу на нижнюю боковую полку. Он даже не шелохнулся.

– Вот, уложили! – гордо доложил рыжий. – Спит, как младенец!

– Младенцы так не храпят.

Действительно, из глотки «героя» уже доносилось что-то среднее между рокотом трактора и пилой по металлу.

– Ничего, проспится! – заверил меня тощий. – Ты, главное, не буди его резко. Он когда просыпается с бодуна – может по инерции врезать. Рефлексы боевые, понимаешь?

– Прекрасно. Значит, я еще и с боевыми рефлексами буду разбираться.

– Ты ж справишься, – подмигнул рыжий. – Видно, что баба с характером.

– Ты где здесь бабу увидел?

– Сори, сори.

– Уматывайте, пока я этот характер на вас не продемонстрировала.

Они заржали и вывалились в коридор. На прощание коренастый крикнул:

– Если че он хороший пацан! Не обижай!

Дверь захлопнулась. Я осталась наедине с «хорошим пацаном». Стою, смотрю на него. Он лежит на спине, раскинув руки. Одна нога свесилась с полки, ботинок начищенный, но прямо на мое чистое белье.

– Козел, – констатировала я и сняла с него ботинок.

Второй тоже. Бросила их в угол. Отступила на шаг, оценивающе глянула. Крупный. Лет тридцать с небольшим. Лицо... ничего так. Брутальное. Губы полные. Руки сильные, разбитые костяшки – явно любитель подраться. Плечи широкие, даже через мятый камуфляж видно, что качается.

– Ну и зачем мне это надо? – пробормотала, накрывая его пледом.

Он что-то пробормотал во сне. Неразборчиво. Телефон зазвонил. Лидка.

– Ну что там у тебя? – спросила она бодрым голосом человека, который не работает.

– У меня? – я сжала зубы. – У меня все прекрасно. Трое детей-террористов, две бабки-гладиаторы, айтишник-пикапер и пьяный военный в моем купе.

– Ой, а военный симпатичный? – хихикнула Лидка.

– Без сознания.

– Жаль. Ладно, я тут еще немного посижу у Валерки. Ты же справишься, да?

– Лидка, – я говорила очень спокойно, очень медленно. – Если ты сейчас не вернешься в седьмой вагон, я лично приду в тринадцатый и выкину тебя вместе с твоим Валеркой в

ОКНО.

– Да ладно тебе! – она засмеялась. – Ты же добрая!

– Была. До сегодняшнего дня.

Лидка еще что-то щебетала, но я уже сбросила звонок.

Глубокий вдох. Выдох. За стеной раздался детский вопль.

– МАААМ! РОМА МЕНЯ УДАРИЛ!

– САМ ДУРАК! – ответил Тема.

Гражданка Серова заорала что-то нечленораздельное. В купе № 7 бабушки снова ругались – теперь уже из-за того, кто храпит громче. Айтишник из девятого купе робко постучал.

– Девушка... Лада... у вас случайно зарядки для айфона нет?

– Нет! – рявкнула.

Неизвестный военный захрапел еще громче. Я опустилась на свою верхнюю полку, обхватила голову руками. Семь дней пути до Москвы. Семь дней с вагоном сумасшедших, напарницей-предательницей и пьяным незнакомцем в купе.

– Лада Владимировна, – сказала я сама себе. – Какого хрена ты вообще пошла работать проводницей?

Рядом незнакомец снова что-то пробормотал. На этот раз расслышать удалось:

– ...печеньки...

Я фыркнула.

– Печеньки он хочет. Ну-ну.

Поезд качнуло на стрелке. За окном в темноте мелькнули огни станции. А я смотрела в окно и думала: семь дней.

Всего семь дней.

Переживу. Наверное. Обязала. И уволюсь.

Глава 2

Марат

Кто-то вбивает гвозди мне в череп. Методично. Один за другим. *Бам. Бам. Бам.* Пытаюсь открыть глаза, но веки словно налиты свинцом. Во рту пересохло так, будто я всю ночь жевал песок.

Не пойму чего привкус? Водки? Пива? Кажется, еще и коньяка было.

Идиот. Какой же идиот.

Где я, черт возьми? Пытаюсь пошевелиться и тут же жалею об этом. Голова раскалывается. Тошнота подкатывает волной. Глубокий вдох. Выдох. Не блевать. Только не блевать.

Пахнет... чем-то странным. Не казармой. Не перегаром. Чем-то... цветочным? Духи? Женские духи? Ого, как интересно. Я у Лариски что ли?

Где я?!

Пытаюсь вспомнить вчерашний день. Обрывки. Мои проходы. Вокзал. Пацаны. «Ну давай, Марат, по одной!». Одна превратилась в пять. Или десять. Поезд... точно, я должен был сесть на поезд!

Господи, я сел на поезд? Или не сел? А если сел и не в тот? Резко сажусь – и *БАХ!* – башкой об что-то твердое.

– А-а-а, мать твою! – вырывается сквозь зубы.

Хватаюсь за голову. Звезды перед глазами, Боль пульсирует в такт сердцебиению. Открываю глаза. Наконец. Картинка плывет. Все плывет, как эти чертовы деревья и снег за окном. Сумерки. Или рассвет? Хрен его знает.

Я в... купе? В поезде. Точно. Боковая полка. Узкая, жесткая. Над головой – еще одна полка, об которую я только что въехал башкой. Оглядываюсь, маленькое купе. Две боковые полки, стол, окно. За окном мелькают столбы, деревья, серое небо.

Еду. Куда? Да, действительно, а куда я еде? Да куда можно ехать из Владика?

Правильно, в Москву. Отпуск. Я взял билет... черт, когда я брал билет? Вчера утром. Электронный, он в приложении на телефоне. Телефон! Шарю по карманам камуфляжа. Вот он, достаю, экран черный, мертвый.

– Ну конечно, – бормочу. – Сел. Как всегда.

Кладу телефон на столик, голова раскалывается сильнее. Нужно пить, срочно, воды. Или пива. Лучше пива. Сажусь, спускаю ноги. Ботинок нет. Кто-то снял ботинки? Стоят в углу, аккуратно.

Странно. Пытаюсь встать, качает, держусь за стену. Ноги ватные, в голове гудит, как в улье. Делаю шаг к двери, второй. Хватаюсь за ручку, открываю.

Коридор вагона. Окна, шторы. И шум. Детский визг.

– РОООМА! ОТДАЙ МОЙ ТЕЛЕФОН!

– НЕ ОТДАМ! ТЫ ДУРАК!

– САМ ДУРАК!

– МАЛЬЧИКИ! – орет женский голос. – ПРЕКРАТИТЕ
НЕМЕДЛЕННО!

Голова раскалывается. Я зажмуриваюсь, прислоняюсь к стене. *Дети. В поезде. Господи, за что?* Иду по коридору, держась за стену. Качает. Или это меня качает? Хрен разберешь. Навстречу выскакивает мелкий пацан лет пяти, орет:

– Я – ЧЕЛОВЕК-ПАУК!

Пролетает мимо. За ним второй. За ним третий едва стоя на ногах, почти как я. Закрываю глаза. *Это похмелье. Это все похмелье. Сейчас проснусь.* Не просыпаюсь. Иду дальше. В конце вагона – титан. Большой, железный, с краном.

Вода. Там точно есть вода.

Подхожу, открываю кран с холодной водой. Не церемонюсь – подставляю рот прямо под струю. Пью жадно, торопливо. Вода холодная, жесткая, но сейчас это лучший напиток в мире. Пью, пью, захлебываюсь. Вода течет по подбородку, капает на камуфляж на пол, плевать.

– Вы что творите?! – раздается за спиной звонкий голос.

Я вздрагиваю, давлюсь водой, отворачиваюсь, морщусь, а в голове словно что-то в этот момент разорвалось. Поднимаюсь, как могу, фокусирую взгляд. Передо мной стоит... проводница.

Или богиня возмездия. Хрен их разберешь в моем состоянии. Я сейчас согласен от одного ее взгляда превратиться в камень. Блондинка. Пышная. *Оченьпышная.* Грудь, бедра

– все при ней. Форма проводницы сидит плотно, обтягивает каждый изгиб. Лицо красивое, даже сейчас, когда она на меня смотрит, как на противного таракана.

Глаза... Глаза какие-то знакомые. Зеленые. Яркие. Злые.

– Вы зачем из крана пьете?! – блондинка смотрит на меня с таким выражением, будто я только что изнасиловал этот кран. – Это же техническая вода! Там стакан рядом висит!

Смотрю на стакан. Действительно висит. На цепочке.

– А, – говорю. Или пытаюсь сказать. Выходит больше похоже на мычание.

– «А»?! – она скрещивает руки на груди. Грудь приподнимается. Я пытаюсь не пялиться. Не получается. – Это все, что вы можете сказать? Вы вообще понимаете, что творите? Я не могу следить за всеми, тем более за вами, здоровым буваем. Вас ваши дружки принесли в одед, как мешок, и сказали: «Уложи где-нибудь!», я уложила, а теперь вы тут воду техническую жрете и разливаете ее на пол!

Моргаю. Пытаюсь сосредоточиться на словах. Дружки? Принесли? Куда?

– Я... где я?

– Доброе утро, товарищ! Закусывать надо! В самолете Москва– Питер! Вы не Новосельцев?

– Я... не... нет... Простите. Я не...

– Не что? – она наступает. Я отступаю. Спиной упираюсь в титан. – Не помните? Не знаете? Ну конечно! Напились как свинья и теперь не помните!

– Я не... – пытаюсь оправдаться. – Это... был повод.

– Повод, – она фыркает. – У всех пьяниц всегда есть повод.

– Я не пьяница, – обижаюсь. – Я просто... отмечал.

– Что? День рождения печени?

Молчу. Потому что она права. И потому что голова раскалывается так, что думать невозможно. Блондинка смотрит на меня еще секунд десять. Потом вздыхает. Устало так.

– Идите в купе. Спите. И молитесь, чтобы я не выкинула вас на ближайшей станции.

– Какое купе? – спрашиваю.

– Служебное. Где вы проснулись.

– Я... спал в служебном?

– Ага. На моей полке. Спасибо вашим друзьям, они так решили.

Пытаюсь переварить информацию. Не получается. Слишком много данных для моего текущего состояния.

– Простите, – бормочу. – Я не хотел... Я сейчас пойду... куда-нибудь.

– Некуда вам идти, – она качает головой. – Ваше место оказалось занятым. Накладка в программе бронирования. Я уже проверяла. Так что поздравляю, вы временно прописаны в купе проводников. Резервное место рядом, но его утром займут. Сегодня еще терпите меня.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня.

– Вы это серьезно? – уточняю.

– Я похожа на юмористку? Абсолютно. Добро пожаловать в ад, солдат.

Где-то в глубине вагона снова визжат дети.

– РОООМА! ВОВА МЕНЯ ОПЯТЬ УДАРИЛ!

Проводница закрывает глаза, делает глубокий вдох.

– Идите спать, – говорит она тихо, но в голосе столько угрозы, что я не спорю.

Разворачиваюсь и иду обратно в купе. Качает. Все плывет. За окном мелькают столбы. Захожу в служебное купе. Пахнет духами. Цветочные. Легкие. Приятные. Падаю на полку, натягиваю плед. Голова раскалывается. В коридоре шумят дети.

Проводница... она была такая злая. И такая... красивая. Пышная. Грудь у нее – мама дорогая. И глаза. Зеленые.

Знакомые.

Откуда-то. Но откуда? Не могу вспомнить. Голова не работает. Закрываю глаза, проваливаюсь в сон. Последняя мысль перед забытием:

Семь дней с этой фурией. Господи, помоги. Где-то вдалеке звучит детский крик:

– МАМА! ТЕМА МЕНЯ УКУСИЛ!

И голос проводницы, усталый:

– Все. Я увольняюсь.

Усмехаюсь и засыпаю.

Глава 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.